

УДК 81'27/28

Э. Н. Акимова**Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск****ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматривается история термина «эколингвистика», выявляется разница между пониманием специфики и объема данного понятия в зарубежном и отечественном языкознании. В лингвоэкологическом аспекте дается краткое описание основных активных процессов, происходящих на различных языковых уровнях. Это значительные изменения в лексической системе; окончательное утверждение иканья – московской нормы – в фонетике; широкая вариативность акцентологических норм; преобладание, особенно в теле- и радиоречи, так называемой «англизированной» интонации; перераспределение групп фразеологизмов и появление новых; экспериментирование в области словообразования. Даже на грамматическом, самом устойчивом и консервативном уровне, происходит расширение функций переходности глаголов, образование окказиональных форм числа существительных; экспрессивно значимое переосмысление окказиональных образований единственного числа от *Pluralia Tantum*; переход относительных прилагательных в качественные путем образования окказиональных форм степеней сравнения; образование действительных причастий будущего времени и аномальные формы страдательных причастий. На синтаксическую систему оказывают влияние: демократизация языка; иноязычное давление; стилевая диффузность при преобладании просторечных и жаргонных средств выражения; замена графического кода пиктографическим; использование, наряду с кириллицей, латинской графики. На текстовом уровне реализация основной коммуникативной стратегии – демократизации – приводит к упрощению структуры словосочетаний и предложений, к субъективизации текстов, возрастанию их оценочности, экспрессивности, эмоциональности. С другой стороны, тенденция к интеллектуализации текста проявляется в активной апелляции к фоновым знаниям, усилении полифонии и диалогичности, широком использовании ассоциативного принципа. Приведенные факты свидетельствуют о расширении креативных и адаптивных возможностей русского языка. В современном русском языке одновременно действует множество тенденций, часто противоположных и разнонаправленных; сосуществуют, взаимно усиливая или, наоборот, «гася» друг друга, различные факторы функционирования и развития.

Ключевые слова: современный русский язык, активные процессы, эколингвистика, культура речи, жаргонизмы, заимствования

О взаимосвязи языка и окружающей среды, под которой со всей очевидностью необходимо понимать общество, где язык функционирует и развивается либо деградирует, лингвисты и ученые смежных областей не устают рассуждать с 1912 года. Именно тогда Эдвард Сепир опубликовал свою программную статью «*Language and Environment*». Но особую остроту и актуальность данная проблематика получила в 90-е годы прошлого века в связи с осмыслением научной общественностью судеб малочисленных народов, их культур и языков. Введенный немецким биологом Эрнстом Геккелем в 1869 году термин «экология» (наука, изучающая отношения между организмами и внешними факторами) в XX веке расширил свою семантику и стал употребляться, в числе прочих уточненных дефиниций, и как

«экология культуры» (Д. С. Лихачев). Понятия «экология» и «язык» впервые объединил в своем докладе «*Экология языка*» (1970 г.) американский лингвист Эйнар Хауген для номинации науки о взаимоотношениях между языком и его окружением, т. е. обществом, использующим язык как один из своих кодов.

Впоследствии в зарубежном языкознании эколингвистика развивалась в русле двух основных, принципиально разных направлений: экологическая лингвистика, переносящая экологические термины, принципы и методы исследования на язык и языкознание (Эйнар Хауген, Уильям Маккей, Элвин Филл), и языковая (лингвистическая) экология, изучающая отражение экологических вопросов в лингвистике, использующая лингвистические термины и методы, исследующая роль

языка в описании проблем окружающей природы (Майкл Халлидей, Питер Мюльхойслер, Дэвид Хармон).

Отечественные исследователи понимают эколоингвистику как науку, «объединяющую экологию и лингвистику, изучающую взаимодействие между языком, человеком как языковой личностью и его окружающей средой. Язык при этом рассматривается как неотъемлемый компонент цепи взаимоотношений между человеком, обществом и природой. Функционирование и развитие языка представляется как экосистема, а окружающий мир – как языковой концепт» [3, с. 41].

По мнению профессора А. П. Сквородникова, «экология языка (лингвоэкология, эколоингвистика) – это такое направление лингвистической теории и практики, которое, с одной стороны, связано с изучением факторов, негативно влияющих на развитие и использование языка, а с другой стороны, с изысканием путей и способов обогащения языка и совершенствования практики речевого общения» [7, с. 111].

Мы наиболее точным считаем определение эколоингвистики как отрасли языкознания, «предметом изучения которой является состояние языка как семиотической системы (его «семиотическое здоровье»), обусловленное социальными и другими экстралингвистическими факторами, влияющими негативно или позитивно на язык, языковое сознание и речевую культуру; пути и способы защиты языка от негативных влияний, с одной стороны, и его обогащения и развития, с другой» [9].

Как видим, трактовка и модели изучения эколоингвистики российскими и зарубежными лингвистами существенно различаются. Последние рассматривают эколоингвистику прежде всего в ее отношении и связи с социолингвистикой. В отечественной науке акцент делается скорее на рассмотрении эколоингвистики в ее соотношении с понятием среды, то есть исследуется, как язык сохраняет сам себя, свое здоровье или (в результате его неправильного использования человеком) приходит к лингвициду – разрушению и самоуничтожению. В своем объекте лингвоэкология тесно переплетается с наукой о культуре речи – ортологией, которая существует уже давно и изучает коммуникативные качества речи: правильность, точность, логичность, чистоту, уместность и т. п.

Вопросы, связанные с экологией языка, в нынешней России актуальны как никогда. В конечном итоге экология национальных языков должна являться основой языковой политики государства.

По мнению российских ученых (А. Т. Липатова, В. С. Миловатского, Л. И. Скворцова, А. П. Сквородникова и др.), экология слова – это, в первую очередь, экология души. Целостность природы неотделима от целостности человеческого духа и родного языка.

Практически общим местом в русистике последних лет становится констатация значительных изменений в лексической системе русского языка последних десятилетий. Отмечаются следующие, порой противоположно направленные, процессы, протекающие в русской речи и сознании носителей русского языка: 1) обеднение словарного запаса, элиминация многих культурно ценных слов и фразеологизмов (*бытие, распули, крестный путь, ничтоже сумняшеся, паче чаяния* и др.); 2) ресемантизация значимых слов и понятий (*соборность, милосердие, благотворный, держава*); 3) размывание семантики некоторых слов (*клиенты, правые, левые, радикалы, консерваторы*); 4) многочисленные заимствования (*коучер, дауншифтер, прокрастинация, джус, джемтинг*); 5) засилье аббревиатур (*ФГБОУ ВПО, ФЦПРЯ*); 6) обилие речевых штампов (*вызовы времени, вертикаль власти, цивилизованные страны*); 7) эвфемизмы, языковое лукавство (*маломобильные группы населения, ночные пансионаты*); 8) языковое насилие в виде навешивания ярлыков (*совок, пиарей, толераст, укрофашист, крымнашисты*); 9) «канцелярит» (*реализация, наработка, подвижки, на предмет написания, по вопросу*); 10) сквернословие, вульгаризация речевого общения; 11) «лингвоцизмы», технократизмы (*рабсила, человеческий материал, людское сырье, движение контингента, человекоединица*); 12) криминализация языка (*мочить, крыша, закатать (кого), подлянка, терки*).

Но активные процессы происходят и на других языковых уровнях.

В фонетике это окончательное утверждение иканья – московской нормы. Петербургское эканье практически ушло, и даже звук средний между [и] и [э] в первом предупредном слоге почти никем уже не произносится [1, с. 66–69].

Как никогда подвижны акцентологические нормы, переживающие расцвет вариативности. Нормы ударения «размываются», что связано, в первую очередь, с представлением о неважности их соблюдения: ведь и так понятно. Недавно вышедшие словари этому подтверждение [6].

Что касается интонации, то с подачи некоторых теле- и радиодикторов начинает преобладать, если так можно выразиться, «англизированная»

интонация: высказывание членится на сегменты, концы фраз «задраны», и возникает нехарактерная для русского повествовательного предложения вопросительная интонация.

В сфере фразеологии происходит связанное с безграмотностью и отсутствием или недостаточностью фоновых знаний перераспределение между группами фразеологизмов: в фразеологические сращения переходит все больше сочетаний и даже единств. Появляются новые фразеологизмы: *белый и пушистый, скелет в шкафу, золотой парашют, оборотень в погонах*. В основном они из сфер политики: *коридоры власти, двойные стандарты*; спорта: *с подачи, уйти в аут*; военной: *глухая оборона, понуждение (принуждение) к миру*. Отмечается жаргонизация фразеологии: *с колес, закатать в асфальт, до фонаря, из-за бугра* [4].

Настоящим экспериментальным полигоном стало словообразование. В нем отмечаются такие явления: 1) использование просторечных и жаргонных моделей, находившихся ранее на периферии языка: *чернуха, кидалово, бухло* и т. п.; 2) активизация некоторых словообразовательных моделей: имена действия с суффиксами -изаци(я): *сочинизация (всей страны), бандеризация (Украины), демедведизация* – отмена некоторых указов Д. А. Медведева, высокая продуктивность наименований лица: *перестроечник, рекламист, по модели подписант – отъезжант, дежурант, универсант, интересант (конфликта Эрдоган)*; 3) широкое использование иноязычных приставок и префиксоидов, приставок супер-, сверх-: *деполитизация, сверхдешевый, суперпрофессионал* и т. п.; 4) рост употребительности сложных слов с интернациональными элементами: *бизнес-, хит-, шоу-, поп-, рок-, видео-* и др.; 5) обилие аббревиатур: *Ингнет, ЧР, РИ*; 6) расширение круга усечений: *маргинал, безнал, инфа*; 7) гибридные слова (слова-кентавры, слова-телескопы): *трепортаж, моменталитет, пофигуристы*.

Морфология и синтаксис – самые устойчивые уровни системы, сохраняющие консервативность во имя самоидентификации языка.

Тем не менее некоторые ученые утверждают, что в современном русском языке происходит, например, расширение функций переходности глаголов [8]. Имеются в виду случаи типа *его ушли с работы; няня гуляет ребенка; расходы пополам: я тебя обедаю, а ты меня ужинаешь; говорящий хомяк не только детей привел в восторг, но и взрослых улыбнул*. Указываются и некоторые другие процессы: образование окказио-

нальных форм числа существительных, которые в системе образуются супплетивно (*дочь родилась; мелкий и пугливый лодь пошел*); экспрессивно значимое переосмысление окказиональных образований единственного числа от Pluralia Tantum (*новый итан; мой машин*); переход относительных прилагательных в качественные путем образования окказиональных форм степеней сравнения (*мебель чуток деревяннее; стеклянный звук*); образование действительных причастий будущего времени (*прочитающий внимательно статью*) и аномальные формы страдательных причастий (*звонок, звонимый мною*) [5]. Нетрудно заметить, что все эти примеры взяты из Интернета; большинством носителей языка они воспринимаются как окказиональные.

Динамика современного русского синтаксиса охватывает как его системные свойства (форма единиц, их значения и функции), так и сферу функционирования. На синтаксическую систему оказывают влияние: демократизация языка (экспансия устной речи, усиление личностного начала); иноязычное давление; стилевая диффузность при преобладании просторечных и жаргонных средств выражения; замена графического кода пиктографическим; использование, наряду с кириллицей, латинской графики.

На текстовом уровне реализация основной коммуникативной стратегии – демократизации – приводит к упрощению структуры словосочетаний и предложений, к субъективизации текстов, возрастанию их оценочности, экспрессивности, эмоциональности. С другой стороны, тенденция к интеллектуализации текста проявляется в активной апелляции к фоновым знаниям, усилении полифонии и диалогичности, широком использовании ассоциативного принципа.

Как ко всему этому относиться с точки зрения эколингвистических постулатов? С одной стороны, приведенные факты свидетельствуют о расширении креативных и адаптивных возможностей русского языка, о том, что, вопреки расхожему мнению, он вовсе не «гибнет». С другой стороны, вербальная информация, особенно связанная с употреблением жаргонизмов, не может не вызывать эмоциональный протест, так как является неэкологичной: она нарушает параметры этики, эстетики и корректности человеческой коммуникации, в первую очередь масс-медийной.

Даже в диссертациях на соискание ученой степени кандидата филологических наук читаем о положительной оценке роли жаргона в создании рифмованных заголовков: «Жаргон становится

важным средством стилизации живой речевой стихии, социальным средством создания особого, дружески-непринужденного тона» [из этических соображений имя автора и название диссертации не указываем]. Думается, что злободневная проблема формирования общего жаргона в языке [2], прежде всего современных СМИ, требует от филологов занять принципиальную позицию неприятия этой негативной тенденции: констатировать можно, принимать и тем более одобрять – нет.

В конце прошлого века крупные ученые-лингвисты (М. В. Горбаневский, А. Д. Дуличенко, В. М. Шаклеин и др.) высказывали мнение об угрозе превращения в англо-жаргонно-просторечное образование богатейшего русского литературного языка. Как видим, этот негативный сценарий в чистом виде не осуществился, поскольку в современном русском языке одновременно действует множество тенденций, часто противоположных и разнонаправленных; сосуществуют, взаимно усиливая или, наоборот, «гася» друг друга, различные факторы функционирования и развития.

1. Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно. 2 изд., испр. и доп. М., 2001. 239 с.
2. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999. 320 с.
3. Иванова Е. В. Цели, задачи и проблемы эколлингвистики // Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Б. Попова. Челябинск, 2007. С. 41–47.
4. Малинки Т. Возникновение новых фразеологических единиц // Русистика. Берлин, 1992. № 2. С. 67–76.
5. Радбиль Т. Б. Инновационные процессы в лексике и грамматике русского языка Интернета // *Croatica et Slavica Ladertina*. № IV. 2008. С. 240–244.
6. Русский орфографический словарь: около 180000 слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. 960 с.
7. Сковородников А. П. Об экологии русского языка // Филологические науки. 1992. № 5–6. С. 104–111.
8. Эпштейн М. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество // Знания. 2007. № 3. С. 193–208.

Статья поступила в редакцию 20.06.2016 г.

|| **Для цитирования:** Акимова Е. Н. Лингвоэкологическая интерпретация активных процессов в современном русском языке // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 3 (23). С. 40–44.

Об авторах

Акимова Эльвира Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, akimovaen@mail.ru

E. N. Akimova

*Department of Russian Language National Research
Ogarev Mordovia State University, Saransk*

INTERPRETATION OF ACTIVE PROCESSES IN MODERN RUSSIAN IN TERMS OF ECOLOGICAL LINGUISTICS

The article concerns the genesis of the term “ecological linguistics”, the differences in understanding of specificity as well as a volume of this notion in foreign and Russian linguistics. The description of the main active processes on different levels of a language is given using the linguistic ecology aspect. These remarkable changes in lexical system are the final fixation of sound “i” pronunciation in phonetics; the prevalence in tele- and radio-speech the so-called English-like intonation; the redistribution of phraseological units groups and the appearance of new ones; the experiments in word-building. Even at Grammar level – being the most stable and conservative one – there are the broadening of the verbs transition functions, forming of occasional forms of singular and plural of a noun, the expressively important rethinking of occasional forms of singular nouns formation from *Pluralia Tantum*, the transition of relative adjectives into the qualitative ones through formation of the occasional degrees of comparison; the formation of the future participles and abnormal forms of passive participles. The syntax system is

influenced by the language democratization, foreign languages dominance, stylistic diffusion, the prevailing of jargon expressions; the replacement of graphic forms with pictogram ones; usage of Latin orthography together with Cyrillic one. At the text level the main strategy being democratization results in simplifying the word building and sentences structures, to the subjective type of the text, the expressiveness and emotionality are growing up. From the other hand the tendency to the intellectualizing of the text is reflected in active referring the basic knowledge, strengthening its polyphony as well as a dialogue character. The given facts show the enlargement of both creative and adaptive opportunities of Russian. Modern Russian shows many tendencies simultaneously. Often these tendencies are diverse. But they coexist forcing or fading both each other and different factors of their functioning and development.

Keywords: modern Russian language, active processes, ecological linguistics, culture of speech, slang, borrowings

1. Verbickaja L. A. Davajte govorit' pravil'no [Let's speak correctly]. 2 izd., ispr. i dop., M., 2001, 239 p.

2. Ermakova O. P., Zemskaja E. A., Rozina R. I. Slova, s kotorymi my vse vstrechalis': Tolkovyj slovar' russkogo obshhego zhargona [The words which we all had met: Dictionary of Russian slang in common]. M., 1999, 320 p.

3. Ivanova E. V. Celi, zadachi i problemy jekolingvistiki [Goals, objectives and problems of Ecolinguistics]. *Pragmaticheskij aspekt komunikativnoj lingvistiki i stilistiki* = The pragmatic aspect of communicative linguistics and stylistics: sb. nauch. tr. Otv. red. N. B. Popova, Cheljabinsk, 2007, pp. 41–47.

4. Malinski T. Vozniknovenie novyh frazeologicheskikh edinic [Emergence of new phraseological units]. *Rusistika*. Berlin, 1992, no. 2, pp. 67–76.

5. Radbil' T. B. Innovacionnye processy v leksike i grammatike russkogo jazyka Interneta [Interneta [Innovative processes in vocabulary and grammar of Russian Internet language]. *Croatica et Slavica Ladertina*. No. IV, 2008, pp. 240–244.

6. Russkij orfograficheskij slovar': okolo 180000 slov [Russian spelling dictionary: about 180 000 words]. Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova, O. E. Ivanova, V. V. Lopatin (otv. red.), I. V. Nechaeva, L. K. Chel'cova, 2-e izd., ispr. i dop., M., 2004, 960 p.

7. Skovorodnikov A. P. Ob jekologii russkogo jazyka [Russian spelling dictionary: about 180 000 words]. *Filologicheskie nauki* = Philological sciences. 1992, no. 5–6, pp. 104–111.

8. Jepshtejn M. O tvorcheskom potenciale russkogo jazyka. Grammatika perehodnosti i tranzitivnoe obshhestvo [On the creative potential of the Russian language. Grammar transition and transitive society]. *Znamja* = Banner. 2007, no. 3, pp. 193–208.

Submitted 20.06.2016.

Citation for an article: Akimova E. N. Interpretation of Active processes in Modern Russian in Terms of Ecological Linguistics. *Vestnik of the Mari State University*. 2016, no. 3 (23), pp. 40–44.

About the autor

Akimova Jel'vira Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language National Research Ogarev Mordovia State University. Saransk, akimovaen@mail.ru